

К Р О К О Д И Л

K.556/48r

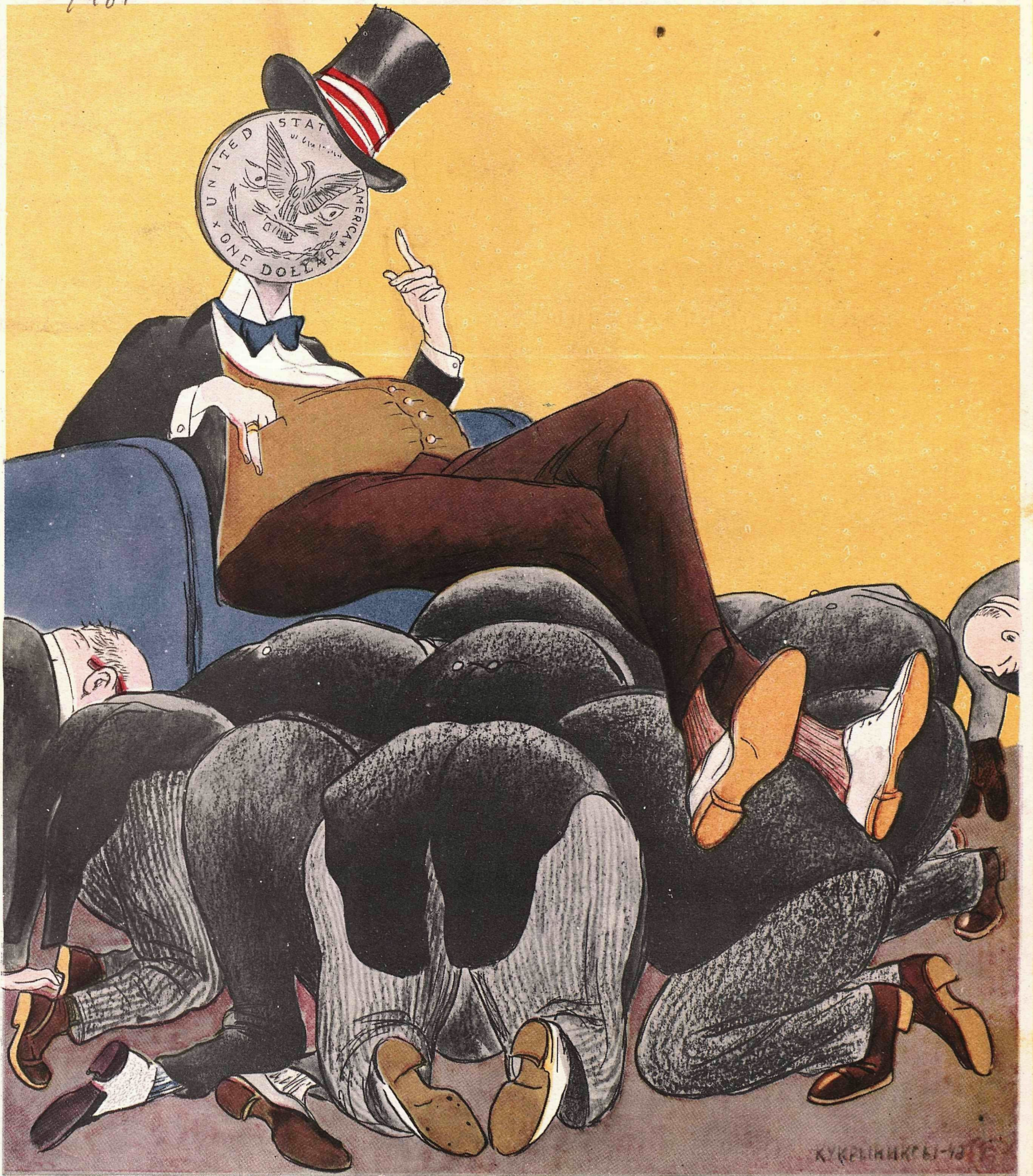
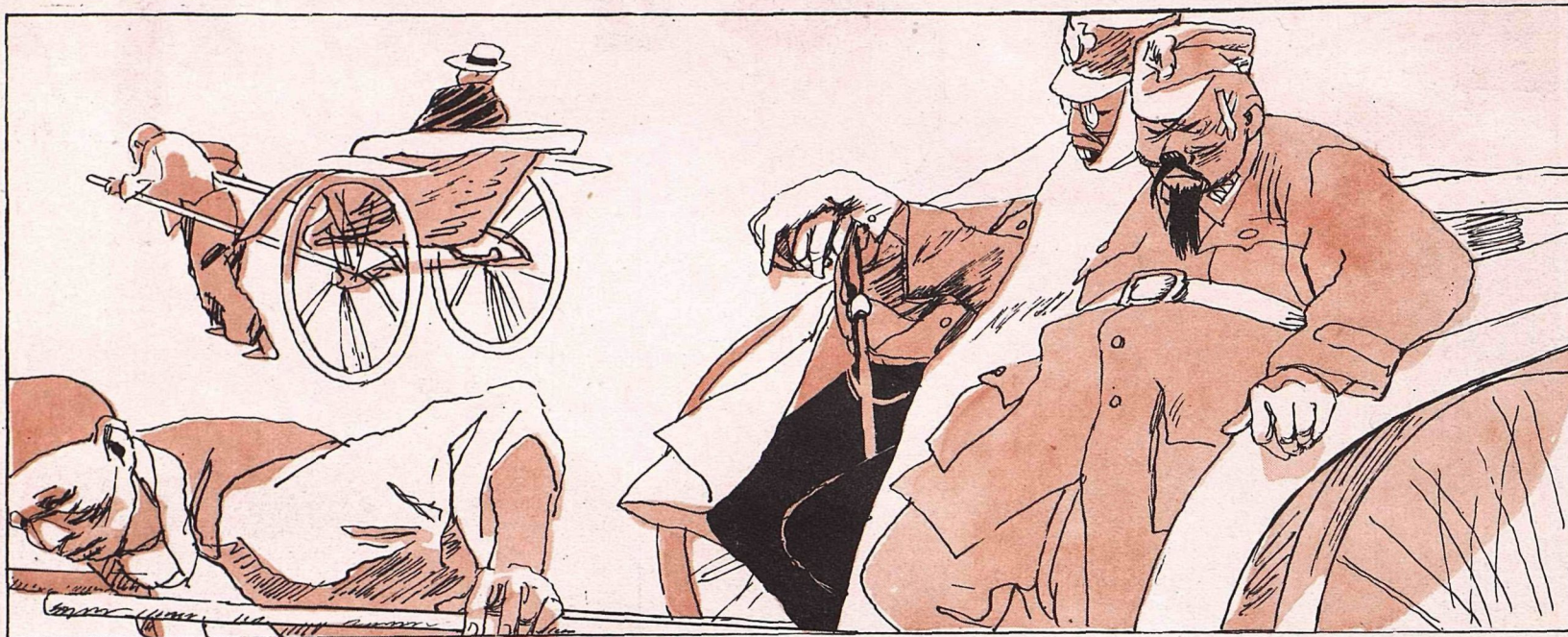

Рис. КУКУРЫНИКСЫ

Американские кредиты по «плану Маршалла» не дали подъема в странах капиталистической Европы.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЕВРОПА «НА ПОДЪЕМЕ».

БИТЫЕ ГОМИНДАНОВЦЫ

— Плохи дела, генерал! Вся моя армия бежала от противника!
— А мои дела ещё хуже! Вся моя армия бежала к противнику!

96-я гоминдановская армия, которая восстала и перешла на сторону народа во второй половине сентября, ныне уже действует на фронте как 35-я народно-освободительная армия.

Ещё из Мандельштаха...

Заместителю директора Научно-исследовательского института физики Московского государственного университета тов. КОРОЛЕВУ Ф. А.
Москва, Моховая, 11.

Уважаемый Фёдор Андреевич! Извините, что отнимаем у Вас драгоценное время. Но мы горимся помочь директору Рыльского техникума Ивану Ермолаевичу Лесову. Иван Ермолаевич сейчас в очень затруднительном положении, и именно Вы сможете быть ему чрезвычайно полезным.

Появился однажды в техникуме учащийся Анатолий Лукьянович. До этого Лукьянович шесть лет служил в Советской Армии и привык там действовать решительно и с должным мужеством. Увидел Лукьянович в техникуме разные неполадки. Убедился, что разговоры на эту тему с Лесовым и прочие местные средства не помогают. Поэтому он написал заметку в областную газету «Курская правда».

И вот тут Иван Ермолаевич допустил промах. Ему нужно было наступать на Лукьяновича неспеша, с примерочкой, умненько, а он поступил с грубой прямолинейностью: взял да исключил его из техникума.

Сами понимаете, какой отзвук дал этот неосторожный поступок. Лукьянович, как бывший военный, понятно, не сдался и пошёл в контрнаступление. И вот тут Иван Ермолаевич опять обнаружил слабое знакомство с тактикой. Надо было выдержку проявить: взять противника хитростью или измором. Да разве мало есть способов критику зажимать? А Лесов погорячился: чего, дескать, с ним канигелиться — взял да обвинил Лукьяновича в хулиганстве. Раздобыл пару угодливых лжесвидетелей и засадил молодого человека в тюрьму. Через десять дней Лукьянович, конечно, был на свободе и снова пошёл в атаку...

Пребывает сейчас Иван Ермолаевич в смятении чувств. Своей изобретательности нехватает, а посоветоваться о том, как Лукьяновича в бараний рог согнуть, не с кем.

Узнав о его душевных терзаниях, мы и решили обратиться к Вам, зная, что Вы сумеете оказать ему неоценимую услугу. Вы в подобного рода делах куда деликатнее поступаете.

Помните, как Вы отделались от инженера Хмары?

Есть в Вашем институте ещё один заместитель директора — Горбачёв. Однажды ответил Хмара Горбачёву без должной, как показалось начальнику, почтительности. Не прошло и двух недель, как Вы освободили Хмару от занимаемой должности по сокращению штата. Дело тут, конечно, не в почтительности. Всего через неделю на освободившуюся должность вы приняли вашего приятеля Лимонова. Но это уже мелочь, деталь, на которую никто не обратил внимания.

Случай с Хмарой был, так сказать, лёгкой разведкой перед настоящим боем, который Вы дали начальнику экспериментальной мастерской инженеру Александру Гехту.

Не понравились Гехту эксперименты, которые проделываются в Вашем институте со штатным расписанием. Кассир Перепёлкин числится в ведомости на зарплату монтажником, секретарь директора — Гогошвили — механиком. Ваш секретарь — Ланина — монтажником, секретарь Горбачёва — Величко — механиком, агенты Семёнов и Гольшнев — тоже механики, кладовщик Егоров — старший механик.

Об этих научных изысканиях написал Гехт нам в Крокодил письмо.

Иван Ермолаевич Лесов поступил бы в таком случае грубо, по-топорному — тят-ляп — и готово, так сказать, заурядный случай зажима самокритики.

Вы же проявили научно-исследовательский метод. Пятнадцать лет считался Гехт специалистом по холодной обработке металлов, а Вы взяли да и перевели его в магнитную лабораторию, где ему совершенно нечего делать.

— Посмотрим, что из этого опыта получится, — сказали Вы. — Если Гехта к магнитам не притянет, мы его быстро от института отключим...

И вот сейчас этот физический процесс в полном разгаре. Самокритика зажата тихо, благородно. Обращение за помощью к органам печати наказано без шума, по-научному.

Так вот, Фёдор Андреевич, выбирайте любой метод, как поделиться опытом с Иваном Ермолаевичем Лесовым.

Если Вы с Иваном Ермолаевичем свидитесь, передавайте ему наш крокодилский привет.

Крокодил

Рис. Л. БРОДАТЫ

ПО ПРОЕКТУ ЖЮЛЯ МОКА

Механизация угольных шахт во Франции.

Министр внутренних дел Франции Жюль Мок направил в районы забастовок шахтёров танки и пулемёты.

ЗАГАДКА

МИРОЗДАНИЯ

ОБЛАСТНОЙ работник Михаил Петрович Зайцевский, человек благодушный и даже несколько восторженный, сидел в сельском клубе колхоза «Утренняя заря» и слушал лекцию местного учителя природоведения Коркина на тему «Загадки мироздания. Есть ли жизнь на других планетах?»

Учитель Коркин был в ударе и читал с «огоньком», сам увлекаясь цветистым своим рассказом про каналы на Марсе. Когда он кончил и, сойдя с кафедры, сел за стол, устланный кумачом, в зале раздались дружные аплодисменты.

На сцену вышел заведующий клубом — румяный, застенчивый, как девушка, паренёк — и, зардевшись, сказал:

— В порядке ведения... Первое — прошу граждан не дымить! Степан Петрович, это персонально относится к вам!.. Второе — прошу задавать товарищу лектору вопросы.

Вопросов было задано много. Ученик шестого класса Вани Смычков спросил: не собираются ли наши лётчики на ракетных самолётах махнуть на Марс, посмотреть самолично на эти самые каналы? Если собираются, будут ли брать пассажиров-добровольцев? А если будут брать пассажиров, то где будет происходить запись — в области или в Москве?

Над вопросом Вани Смыčkова зал смеялся минут пять.

Раздавались возгласы:

— Кланяйся там, на Марсе, Ванюшка!

— Вот мать ему всыплет!.. Он сегодня на планету «печка» полетит!

— Дядя Степан, его всё равно не запишут лететь на Марс: у него по географии двойка.

Михаилу Петровичу лекция понравилась. Он достал из портфеля свой дорожный блокнот и отметил карандашиком:

«Цен. Оп. «Утр. Зари». Устр. лекции. Уч. Коркин — хор. лект. жив. инт. колх. Похвалить, рассказать культ. прос. Носову».

Сидевшая рядом с Михаилом Петровичем пожилая колхозница в городском, кокетливо-ярком шерстяном платочке, подвязанном под подбородком, покосилась на его портфель и сказала шопотом:

— Вы из района, товарищ, извините, конечно, или из области?..

— Из области! — значительно сказал Михаил Петрович.

— Обследуете нас или как?

— Смотрю... Кое-что...

— Вы бы нашу кооперацию посмотрели!

— Я больше по культурно-просветительной части. А что, у вас в кооперации плохо разве дело идёт?

— Дело идёт, как на Марсе! — загадочно сказала колхозница. — Туману много, а гвоздей, скажем, нет. Да вы зайдите в нашу лавку, сами всё увидите. С народом потолкуйте.

— Загляну, — согласился Михаил Петрович и отметил у себя в блокноте:

«Загл. в сельпо. Пог. с нар.».

Ночевал Михаил Петрович у заведующего клубом. Тот накормил гостя из области великолепным лещом собственного улова, жареным в сметане, с картошкой и помидорами. Михаил Петрович с жаром говорил за ужином о задачах культурной работы в деревне и так хвалил хозяина за инициативу, что тот стал совсем багровым от смущения и почему-то всё время старался перевести разговор на ловлю лещей.

— Этот учитель Коркин — хороший лектор. Вы вообще смелее их привлекайте!.. — говорил Михаил Петрович, жестикулируя вилкой.

— Само собой, — ответил заведующий клубом, — а они, знаете, какие хитрые?! Их сразу не возьмёшь!

— Кого? Учителей?!

— Нет, лещей! Самая хитрая рыба на свете!..

— Лещ — это, конечно, вещь! Так вот, друг мой, вы вообще... Глубже берите... Не плавайте на поверхности!

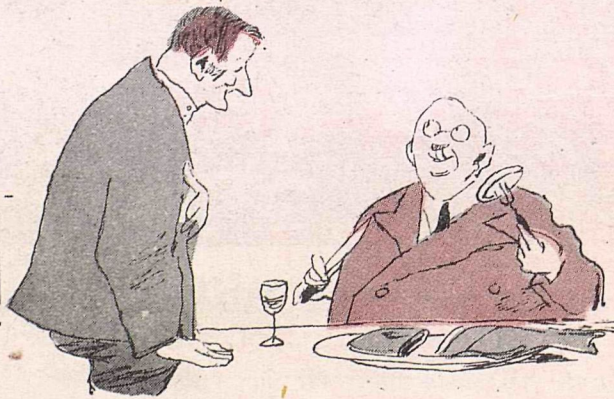
— А лещ, он всегда на глубине! На поверхности это только плотву можно взять или окуньков молодых.

— Я вам не про рыбную ловлю говорю, а про культурную!

— Само собой, само собой!..

Утром завклубом ушёл по своим делам в дальнюю третью бригаду, а Михаил Петрович отправился «загл. в сельпо», как было записано у него в блокноте.

Однако лавка сельпо оказалась закрытой. На дверях висел рукописный плакат: «Закрыто на ремонт». Михаил Петрович, нагнувшись, посмотрел в окошко и увидел пустые полки, забрызганные известкой, и мужскую фигуру,

стоявшую к нему спиной. В руке фигура держала малярную кисть.

«Чистоту наводят, — подумал Михаил Петрович, — ну, что же, хорошо!.. Где ж туман? Никакого нет тумана! Сельская лавка должна быть чистой, уютной...»

Над ухом областного работника кто-то деликатно кашлянул. Михаил Петрович обернулся и увидел хилого рыжеусого мужчину в коричневом кожаном картузе и такой же сильно потёртой куртке.

— Купить что хотели или просто так желали... полицезреть? — медовым голосом спросил хилый мужчина.

— Так просто, собственно!.. А вы что: имеете отношение к местной кооперации?..

— А я — она и есть, местная кооперация, — улыбнулся рыжеусый, — Трифонов, Николай Васильевич!.. Если интересуетесь нашей работой, то у меня все цифры приготовлены!.. По товарообороту и так далее... Процент выполнения и прочее... Пройдёмте в сельсовет, поскольку у нас капитальный ремонт!..

В сельсовете он усадил Михаила Петровича за пустовавший стол зампреда и, заглядывая поминутно в какую-то ведомость, стал пулемётной скороговоркой сыпать цифрами и процентами.

Через пятнадцать минут у Михаила Петровича от всех этих «процентов выполнения» позеленело в глазах, а в виске появилась тупая ломящая боль.

— А вот как у вас, скажем, с гвоздями дело? — перебил он Трифонова.

— С гвоздями — гвоздь вопроса не в нас. Гвоздь вопроса в базе, — быстро ответил Трифонов и опять опрокинул на голову областного работника целый ушат «процентов выполнения».

Потом к Михаилу Петровичу подсел председатель сельсовета и заговорил с ним о своих делах, потом подошли другие местные работники, а потом настал вечер, подкатила присланная из района «эмка», и надо было ехать на станцию. «Пог. с нар.», как было записано у Михаила Петровича в блокноте и что означало «поговорить с народом», он так и не успел.

Через час Михаил Петрович уже сидел в колхозной чайной пристанционного посёлка, ел яичницу с зелёным луком и рассказывал свои впечатления о поездке в «Утреннюю зарю» пожилому, с обильной проседью в бороде и усах, хитроглазому человеку в ватнике, сидевшему с ним за одним столом.

— Превосходный, знаете, колхоз! — говорил Михаил Петрович. — Работа идёт, словно в муравейнике. Честно люди работают, честно!..

— Колхоз-то крепкий! — сказал седобородый.

— И всё у них в деревне ладится! Возьмите культурную работу. Этот заведующий клубом — как его? Иван Дрёмин — превосходный, инициативный работник!..

— Лодырь он превосходный, Ванюшка Дрёмин, — вот он кто, хоть и приходится мне родным племянником!.. — сказал седобородый.

— Позвольте, он же такие интересные лекции устраивает!..

— За три месяца — первую!.. по случаю вашего приезда. Учителя к нему сколько раз приходили, предлагали и то и сё, а у него в голове одни лещи. Работать-то он может, только его поругать надо как следует, критику на него навести!..

Михаил Петрович вспомнил, как безудержно хвалил он за ужином красневшего от смущения Ивана Дрёмина, и ему стало неловко.

— Кооперация у них тоже... ничего работает, — сказал он не совсем уверенно, — ремонт сегодня начали капитальный. Это правильно. Сельская лавка должна быть чистой, уютной.

— Да уж чистота у них такая, как на том свете в аптеке! — сказал седобородый и, странно улыбаясь, поднял на Михаила Петровича свои лукавые жёлтые, как у рыси, глаза.

— Что вы хотите сказать, собственно?

— Хочу то сказать, что они уже в третий раз за лето делают вид, что красят свою лавку. Как кто приедет из области или из Москвы, так Николай Васильевич Трифонов сейчас же за мной посылает: Филипп Игнатьевич, пожалуйста, дескать, к нам производить профилактический ремонт. По случаю вашего приезда тоже был произведён. Тем более, что вы на «эмке» приехали райкомовской.

ВСТРЕЧАЛИ ЛЬ ВЫ?..

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

ДЕД МОРОЗ: — Очень рад, друзья, что вы встретили меня во-время!.. Но почему среди вас я не вижу начальника управления леспромкооперации тов. Корчагина, который выполнил план по выпуску лыж всего лишь на 21 процент, начальника Пермской железной дороги тов. Самохвалова, который не удосужился приготовить дорогу к моему приезду, а также руководителей Свердловского гортопа, ещё не успевших завезти дрова в некоторые больницы и поликлиники?

— Я что-то вас не понимаю! — растерянно сказал Михаил Петрович.

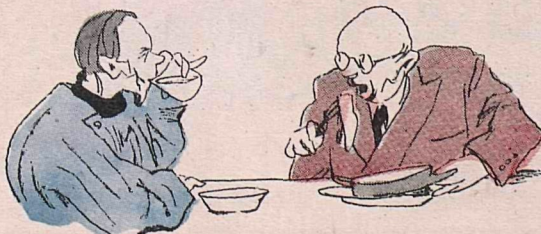
— А что же тут непонятного? Николаю Васильевичу неинтересно, чтобы приезжий человек попал в его лавку да посмотрел на все их безобразия. Мало ли что может быть? Ещё в газетке пропишут!

— А разве у них того... безобразия?..

— Безрукий народ! Тык-мык, а толку нет. Я думал, вы зайдёте в лавку, — я бы всё вам рассказал.

— И что же, ассортимент у них плохой?

— Какой у них сортимент! Окорок капусты да качан ветчины!.. Стекольный завод рядом, а стекла не достать. Гвоздей не бывает. Спичек, и то с трудом достанешь. Одна соль, да керосин. А поезжайте в Смолкино, в кооперацию — отсюда 20 километров, — там всё есть!..

— Но ведь процент выполнения плана товарооборота у Трифонова высокий, вот у меня записано тут... «проц. вып. — 95!..»

— Проц. вып., может, у него и есть, а товару, какой нужен колхознику, нет!..

...Сидя в вагоне и слушая стук колёс, Михаил Петрович думал о том, что его, в сущности, провели, как мальчишку, и ему было мучительно стыдно.

«Собственно говоря, какую же пользу принесла делу, колхозникам моя поездка в деревню? — размышлял, казнясь и мучаясь, Зайцевский. — Никакой!.. Хуже: она принесла вред!»

Он извлёк свой блокнот, жирно перчеркнул все свои заметки и написал:

«В следующ. раз больше встр. с нар. прислуш. гол. прост. люд. изжить телячье благодущие!..»

И от этой самокритики ему стало легче.

ПИСЬ ЭЛЕН КЛЭР Н

Рис. Бор. ЕФИМОВА

УСЕРДНОЕ БОЛЬШИНСТВО (СЦЕНКА НА АССАМБЛЕЕ)

— Господа, что вы? Опустите руки! Мистер Остин всего-навсего приглаживает волосы!

Мы живём в скромной квартире в Голливуде. Несмотря на «баснословные» заработки моего мужа в качестве сценариста (одна газета даже «подсчитала», что он зарабатывает 100 тысяч долларов в год), каждый день утром и вечером я сама ложусь девочку на детскую площадку, сама убираю комнаты и стираю бельё.

В то утро, когда моему мужу было предьявлено обвинение в «презрении к конгрессу», мы с дочуркой, как всегда, направились на площадку. Я ещё не успела вдуматься в то, к чему ведут действия комиссии конгресса, и поэтому, когда моя соседка, миссис П., которая обычно приветствовала меня громким криком: «Эй, здорово!» — кинула странный взгляд в мою сторону и вдруг вприпрыжку, точно заяц, метнулась куда-то за дом, я предположила, что она вспомнила о каком-то срочном деле или, может быть, у неё лопнула подвязка на чулке...

Мой домашний телефон замолчал. Никто больше не приглашал меня к себе — ни по телефону, ни по почте, ни через посыльного...

В глазах моих испуганных соседей я и моя девочка сразу превратились в крупные политические фигуры.

По их отношению ко мне я делила своих соседей на три категории. К первой принадлежали те, кто, боясь рискнуть встречей с женой «преступника», прятались за ограду или за занавески и подглядывали за мной и моей дочерью из своего укрытия.

Вторая категория состояла из людей, которые, в зависимости от того, получили они или нет своё образование в благородном пансионе, либо разрезали меня надвое взглядом острым, как нож мясника, либо откровенно показывали мне спину, бормоча всякие оскорбления, впрочем так, чтоб слова были ясно слышны. Надо сказать, что почти всё население нашего квартала получает газету Херста «Экзаменир»...

К третьей категории относились «остряки». Люди, обычно занятые своим автомобилем или работой в саду, вдруг бросали дела и искали встречи со мной. Не менее шести человек в те

Альза Бесси — один из тех ных работников голливудской мысли, которых комиссия по расследованию антидеятельности объявила пр Альза Бесси, Альберт Ма Трамбо и другие отказались провокационные» вопросы к связи с этим преданы суду в «презрении к конгрессу». Им грозит длительное тюремное заключение.

Жена Альза Бесси, Элен Клэр Н рассказывает о том, какую роль в шпионаже сыграла комиссия в мешанско-буржуазном Голливуде, среди поклонников печати.

Письмо напечатано в американском прогрессивном журнале «Масс-стрим».

здани
Штат
инспи
рикан
Всп
нас о
вущи
труби
ской
изнё
вала,
нием
случ
голо
—
женн
что в
рива
Я
этот
них
день
гое
В
всё
Ко
прои
тяжё
Уе
ли в
це ч
свал

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

Эстафета.

(«Нью даг», Швеция).

ЗАПАДНЫЙ БЛОК:
соглашения с русскими
опять показала, что они

к прогрессив-
ской кинопро-
ссия конгрес-
американской
ступниками.
Дальтон
отвечать на
миссии и в
по обвинению
кое заключе-

Клер Нельсон,
атмосферу за-
ждали члены
азных кругах
херстовской

иканском про-
ес энд мэйн-

ия коммунистической партии Соединённых
ов на 12-й улице в Нью-Йорке будто бы
рировалась сюжеты антифашистских аме-
нских фильмов.

оминаю один случай с моим телефоном. У
общий телефонный аппарат с соседями, жи-
ми этажом ниже. Когда однажды я подняла
ку, то вместо гудков услышала какой-то муж-
голос. «Федеральное сыскное бюро», — про-
неизвестный мужчина... Я давно подозре-
что мой телефон находится под наблюде-
и поняла, что уставший от безделья агент
айно себя выдал. Но тут раздался другой
е, который я сразу же узнала.

Говорит соседка Альза Бесси, — сказала
дина, которая живёт под нами. — Я думаю,
вам интересно будет узнать, с кем разгова-
ла сегодня по телефону жена Бесси.

слушала, и сердце моё билось отчаянно. В
день я телефонировала в два места: одно из
было штабом комитета, который собирал
ги для борьбы с комиссией Томаса, а дру-
квартира весьма консервативной тётушки.
своём верноподданническом экстазе соседка
безнадёжно перепутала.

гда моего мужа опустили из Вашингтона,
зошёл случай, который может иметь весьма
малые для меня последствия.

взая из Нью-Йорка в Голливуд, мы остави-
нашей ньюйоркской квартире на 12-й ули-
ёрный картонный чемодан, в котором были
ены кусочки меха, шерстяные спорки и т. п.

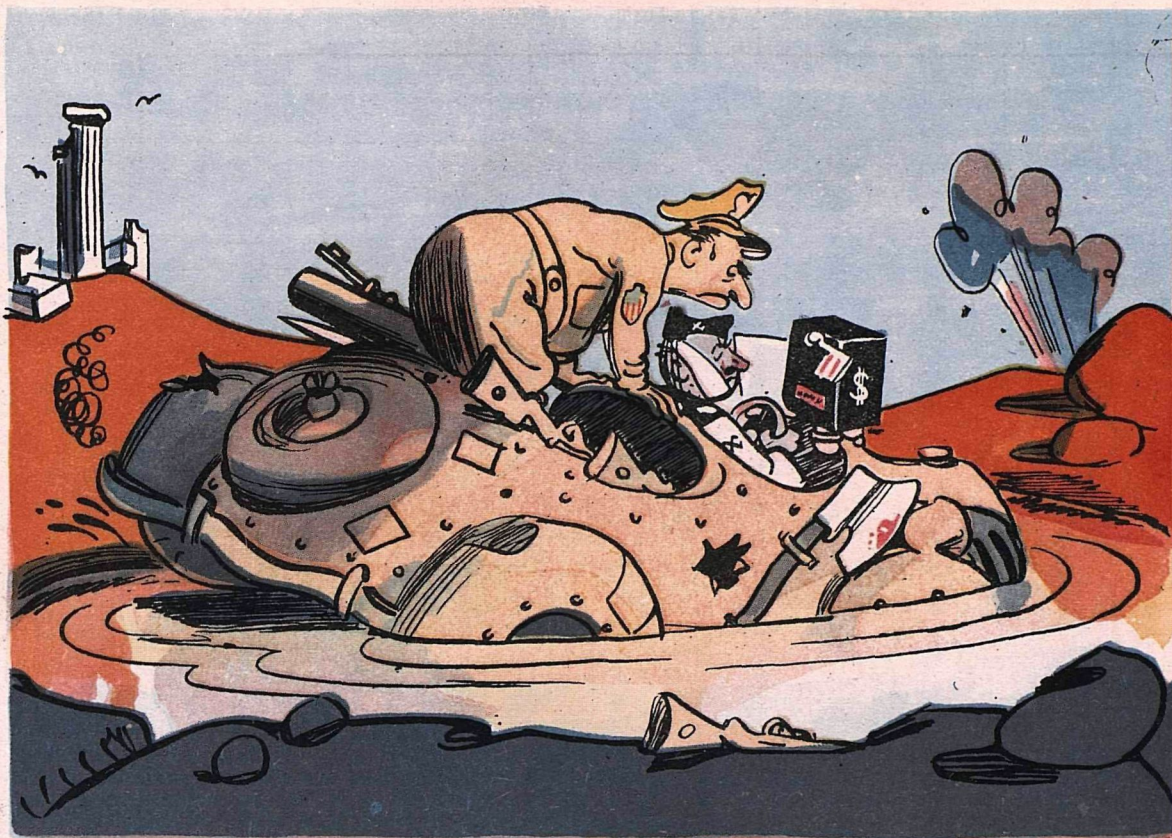
чение двух дней подошли ко
мне и сочли долгом отпу-
стить косякости такого рода,
например:

— Смотрю я, ваш муже-
нёк занял всю первую стра-
ницу газеты, ки-хи...

— Они там затеяли целое
представление в Вашингто-
не, ха-ха...

— Когда они надумают
бросить бомбу в Белый дом,
не забудьте меня предупре-
дить, ха-ха-ха...

Радио не переставало пе-
редавать «материалы» ко-
миссии. В любое время дня
и ночи можно было услы-
шать показания из Вашинг-
тона... Слушая радио, я узна-
ла с содроганием, что из

ЮГА

Рис. Ю. ГАНФА

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

АМЕРИКАНСКИЙ СОВЕТНИК: — Вот положение! Застряли в этой греческой луже, а счётчик всё продолжает работать!..

Мы также оставили там коробку со старым столовым серебром — подарок моей матери, когда я выходила замуж.

Хотя на наших «приёмах» мы отлично обходились без серебра, я испытывала угрызения совести за то, что подарок матери валяется без присмотра. Что касается содержимого чемодана, то я решила, что всё старьё пригодится для того, чтоб перешить что-нибудь дочке.

Накануне выезда мужа из Нью-Йорка, куда он заехал из Вашингтона, я отправила ему телеграмму следующего содержания:

«Не забудь чёрный чемодан на 12-й улице и мамино серебро люблю люблю».

Был поздний вечер. Я заперла и забаррикадировала все окна и двери от своих соседей и

вдруг... мне представилось страшное видение. Я увидела зал, ярко освещённый мощными прожекторами, стол под трибуной, и за столом — следователь. Моя телеграмма лежит перед ним.

— Посредством кода, который мне удалось обнаружить, — говорит следователь, — я сумел расшифровать эту телеграмму. Чёрный чемодан означает бомбу, 12-я улица — это штаб-квартира коммунистической партии, мамино серебро означает московское золото. При содействии нашей агентуры, находящейся в главных столицах мира, мы установили, что слова «люблю люблю» на условном языке представляют собой призыв к объединению рабочих всех стран...

Перевела с английского
В. ЛИМАНОВСКАЯ

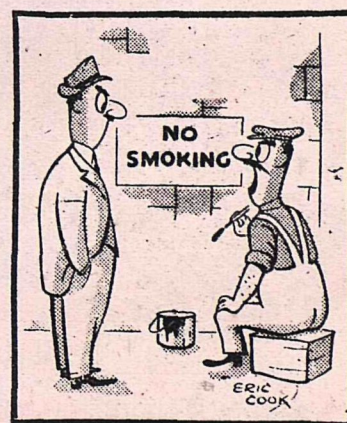
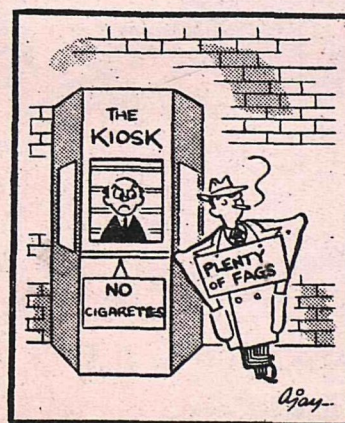
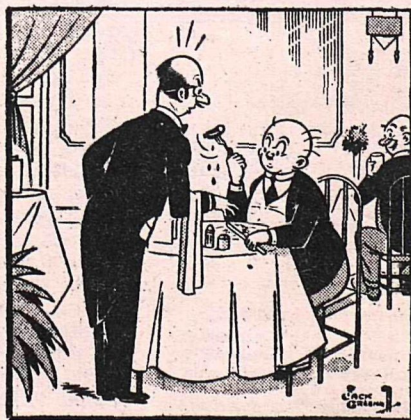
— Как же можно достичь
Ведь речь Вышинского
серьёзно стоят за мир!

(«Ланд оф фолк», Дания).

ЧТО ЗА КОЛБАСА?

Продуктов в Англии сейчас не только нехватает, но они также очень плохого качества. В меню английских ресторанов имеются такие блюда, как ветчина и сосиски, колбаса и жаркое. Однако то, что подают посетителям, напоминает мясо только по названию — всё это эрзацы: китовое мясо, соя.

На карикатуре из газеты «Дейли миррор» показана сцена в английском ресторане: посетитель, поддев на вилку нечто, долженствующее означать мясной продукт, удивлённо спрашивает официанта: «Что это за колбаса? Мясная, овощная или минеральная?»

ДЕЛО — ТАБАК

В Англии наблюдается острый недостаток папирос. Тысячи курящих вынуждены ежедневно простаивать в очередях у табачных киосков, в то время как многочисленные «спивы», как называют в Англии спекулянтов, тут же торгуют, запрашивая за пачку вдвое дороже. Все английские газеты уделяют «табачной проблеме» большое место.

Помещаемые здесь карикатуры взяты из газеты «Ивнинг стандарт». Первая показывает разодетого «спива», торгующего сигаретами рядом с киоском, на котором висит объявление: «Папирос нет». У спекулянта же на груди плакатик, гласящий: «Сколько угодно папирос». На второй — малыр, подновляющий надпись «Не курить», спрашивает прохожего: «Не правда ли, смешно делать подобные надписи в наше время?»

БЕЗДОННАЯ «ХЛАДОБОЧКА»

БУДЕТ ли вода выливаться из открытой бутылки, если этот широко распространённый сосуд опрокинуть вверх дном? Можно ли выжать воду из резинового баллона, если у баллона есть дырка?

Эти животрепещущие, но крайне неясные вопросы глубоко заинтересовали руководителя отдела оборудования Научно-исследовательского института торговли и общественного питания, кандидата технических наук И. А. Петрова. И вот он, мобилизовав подчинённые научные силы, решил установить истину.

Весёлое бултыхание убеждало экспериментаторов, что да, вода из бутылки выливается. Так же блестяще подтвердилась гипотеза и о резиновом баллоне с дыркой.

Неутомимые исследователи под руководством Петрова доказали также, что если в бочку, набитую кусками льда, провести змеевик и пропускать через него воду, то, как это ни странно, вода будет охлаждаться. Так появилась на свет выдающаяся научная работа под названием «Охлаждение воды через змеевик». На основе этого изумительного теоретического исследования была создана конструкция, именуемая «хладобочкой».

«Хладобочка» была призвана дополнить собой оборудование ресторанов и кафе. К прискорбию её творцов, «хладобочке» не повезло: она не получила признания.

Было бы бессовестно сказать, что тов. Петров интересовался только производством холода. Не в меньшей мере его волновала и проблема использования холода.

— Почему бы, — решил он, — не замораживать пельмени тем же способом, каким изготавливается мороженое?

Задумано — сделано. Взяли жестяную банку. Но называть банку банкой слишком примитивно. Поэтому нарекли её «пушкой». «Пушку» заполнили пельменями и сунули в сильно охлаждённый рассол. Случилось невероятное происшествие: пельмени замёрзли. Восторгам исследователей не было конца. Под дружные аплодисменты пельмени тут же были сварены и скушаны, а институт обогатился ещё одним научно-исследовательским трудом: «Бесконтактное замораживание пельменей в рассоле».

Между тем экспериментатора охватывали всё новые и новые идеи. Он твёрдо решил во что бы то ни стало облагодетельствовать сразу всех: и продавцов гастрономических отделов, и буфетчиков, и домашних хозяек. На этот раз он сконструировал настольный холодильник для икры...

Вещица изящная, портативная, крайне нужная, а главное, обошлась всего-навсего в 20 тысяч рублей...

Есть ещё одна сторона торгового дела, которая близко интересовала И. А. Петрова и руководимый им отдел торгового оборудования. Кассирши, кассы, чеки — это, дескать, всё устарело. И вот был создан «автокассир». Правда, он страдает одним небольшим недостатком: не принимает ассигнации. Но это не беда. Покупатель может захватить с собой портативную сумку с разменной монетой весом в пять — шесть килограммов. Люди, не желающие таскать с собой сумки с мелочью, могут тут же разменять свои банкноты у кассира-меняльщика, которого ничего не стоит посадить рядом с автоматом.

Но всё же самая интересная новинка, созданная в отделе оборудования института за двенадцать лет его деятельности, — это «хладобочка». Ходит слух, что именно в эту бездонную бочку и ушло несколько миллионов рублей, ибо торговые организации, как ни сильно нуждаются они в новой, современной технике, всё же вынуждены были наотрез отказаться от всех вышеперечисленных и от многих других столь же негодных и вздорных творений И. А. Петрова и его сподвижников.

**С. БАЛБЕКОВ,
В. РЕУТОВ**

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

НА ЗАДНИХ ЛАПКАХ

- Посмотрите, как наша собачка вам радуется!
- Но ведь она меня совсем не знает!
- Ах, что вы, Пётр Иванович! Мы с женой каждый день говорим о вас столько хорошего! Она же слышит!

ЗНАНИЕ — СИЛА!

Не подозревает, вероятно, город Горький, какая с ним стряслась беда. Свыше семисот лет мирно стоял он на реке Волге, обстраивался, разрастался — и вдруг такие неприятности. Оказывается, Волга никакого отношения к этому городу не имеет.

По авторитетному уверению журнала «Знание — сила», город Горький расположен на реке Дон. Стоит лишь взглянуть на карту, напе-

чатанную на стр. 13 в № 6 журнала за 1948 год, и вы легко убедитесь в правоте наших слов: на живописных берегах Дона, по соседству с Ростовом, ютится теперь этот знаменитый волжский город.

Почему он там очутился, остаётся загадкой, которую в состоянии разрешить лишь редакция журнала «Знание — сила».

А В В С Т А В К Е

Художник написал пейзаж,
Каких довольно много:
Кусочек неба. Стог. Гараж.
Тын и за ним дорога.

Пришёл на выставку один
Обыкновенный гражданин,
Пришёл и, прямо скажем,
Был изумлён пейзажем:

Он разобрать никак не мог,
Хотя судил не строго,
Где небо, где гараж, где стог,
Где тын и где дорога.

Смотрел и этак он и так,
То отходил назад на шаг,
То снова приближался,
То, шуря глаз, смотрел в кулак,—
Но, как он ни старался,
Не видел, глядя на пейзаж,
Где очертанья стога,
Где небо, где стоит гараж,
Где тын и где дорога.

И вдруг перед картиной встал
Эстет-искусствовед.
— Какая гамма! — он сказал. —
Как чувствуется цвет!
Как смело брошены мазки,
Как всё это приятно,
Как грациозны и легки
Все контуры и пятна!

— Возможно, что художник
смел,—
Промолвил зритель наш,—
Но я б узнать у вас хотел:
Где стог и где гараж?

— Здесь очень верно разрешён,
Во-первых, общий тон,
А во-вторых, локальный цвет,—
Услышал он в ответ.

— Прошу прощенья, я опять
Вас перебыю, но мне бы

Хотелось всё-таки узнать:
Где стог и где тут небо?

— Опять вы за своё! — в ответ
Сказал эстет-искусствовед
Довольно зло и хмуро.—
При чём тут небо? Важен цвет,
Тональность и фактура!

Здесь много красок, и потом
Здесь контур взят искусно,
И фокус есть, и есть приём,
И воздух сделан вкусно.
И разве этот колорит
Вам ничего не говорит?

— Он говорит мне много,
Но, повторяю вам опять,
Мне очень хочется узнать:
Где тын и где дорога?

— Дорога — здесь, а там —
река!
— Позвольте, это ж облака!
— Ах, облака? Возможно!
Тут всё, конечно, сложно,
И всё-таки таких картин,
Поверьте мне, немного.
А этот стог... нет, то есть тын...
Хотя, скорей, дорога...
Не в этом дело! Дело тут

В отходе от традиции
И в том, что все мазки поют
И в общей композиции!
Фактура! Вот в чём тут секрет!
Плен-эр! Пластичность линий!
Необычайно звонкий цвет —
Зеленовато-синий!..

— А где дорога?
— Вот она,
У самого у края...
— Позвольте, это же стена
Какого-то сарая!
— Сарая? Разве? Впрочем, да!
Я вижу крышу крова.
Здесь небо, здесь течёт вода,
А здесь лежит...

— Корова?
— Нет, не корова! Это кот!
— Ага! Теперь понятно!
Но что же значат эти вот,
Похожие на огород,
Оранжевые пятна?
Скажите...

Но искусствовед
Опять заговорил про цвет
Зеленовато-синий
И про пластичность линий.

Обыкновенный гражданин,
Как, впрочем, и не он один
(Признаемся по чести:
И мы с ним были вместе),
В тоске покинул вернисаж,
Так и не зная, где гараж,
Где очертанья стога,
Где тын и где дорога.

Мы очень любим форму, цвет
И все оттенки цвета,
Но хорошо, когда предмет
Имеет вид предмета.

Хотим мы, глядя на пейзаж,
Где всё для глаза ново,
Увидеть всё же, что гараж —
Гараж, а не корова.

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Чтобы получить ясное представление о том, как передвигались люди по железной дороге в первые дни её возникновения, достаточно в наши дни проехаться в поезде Омутнинск—Чёрная.

Как и в далёкие времена, поезд отходит без всякого расписания. Пассажиры вынуждены ютиться в неосвещённых и нетоплённых вагонах. Машинист останавливает поезд не там, где полагается, а там, где ему заблагорассудится. Причём при отправлениях и остановках раздаются бравые выкрики: «Поехали!», «Стой!» Диспетчерская служба и служба связи поставлены из рук вон плохо. И т. д., и т. п.

Всё это навело нас на мысль: предложить заинтересованным организациям считать железнодорожную ветку Омутнинск—Чёрная музейным экспонатом.

КАПРИЗНЫЙ ЮБИЛЯР

Директор Омского областного института усовершенствования учителей И. Н. Шехурдин в ноябре прошлого года справил юбилей своей тридцатипятилетней деятельности. На торжествах были речи, кое-какие преподнесения и другие массовые мероприятия с песнями и плясками.

— Нет! Так юбилей не отмечают! — сказал Шехурдин на другой день партгору Васильевой и председателю месткома Марутину. — Уж очень всё это скромно!

— Опыта не было, — сказал Марутин. — По части юбилеев мы ещё желторотые...

— Опыт, опыт! — перебил Шехурдин. — Вот посмотрю, как вы теперь с опытом поработаете. На 1 сентября 1948 года назначаю повтор-

ные торжества по случаю своей тридцатипятилетней деятельности.

В сентябре разговор повторился.

— Опять получилось не так, — сокрушённо говорил Шехурдин. — Ну, что это за торжество? Один серебряный подстаканник преподнесли. Не этого я ждал, не этого.

Нервно перелистав календарь, Шехурдин отметил новую дату своего юбилея. Пределав такое успокаивающее упражнение, он сказал:

— Перенёшу юбилей на ноябрь 1948 года. Понятно?

Мы опасаемся, как бы Шехурдин не вздумал в четвёртый раз праздновать свой юбилей. Не понравится третий, вот и всё! А он не из тех, кто останавливается на полпути.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

Директор Крымской научно-исследовательской станции К. Ф. Кулаков издал приказ:

«Зачислить на должность техника Ц. А. Зель с окладом 410 р. в месяц».

Приказ как приказ. Но Крокодилу сообщают, что на доблестном пути выполнения своих служебных обязанностей Зель встречает большие затруднения. Уж очень путь-то велик: проживает Зель в Симферополе, а научная станция расположена в лесопитомнике, за сто километров от местопребывания Зеля. Как тут не опоздать не только на работу, но даже на обеденный перерыв?

Это во-первых. Во-вторых, техник Зель не имел и не имеет ничего общего ни с техникой, ни с наукой, ни с исследованиями.

Учёл ли автор приказа К. Ф. Кулаков эти трудности?

Нет, он их не учитывал, а просто устранил. Технику Зелью незачем вышагивать сто километров на службу: он тесть директора Кулакова и живёт в симферопольской квартире зятя на предмет её охранения. Знакомства с техникой для этого тоже не требуется.

Так родственные чувства и умелое использование государственных денег преодолевают любую трудность.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

1. МОНОЛОГ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ РЕВИЗОРОВ

И кто её придумал, такую должность — «ревизор»? Разве это работа: портить кровь? Видимо, особенности профессии вырабатывают у ревизоров пренебрежительные черты характера. Во-первых, они теряют всякое уважение к чужим слабостям, — как будто сами они отставные ангелы и неспособны понять, чем жив человек.

Во-вторых, формальный подход к делу — принцип их деятельности. Они и знать не хотят ничего, кроме ведомостей, счетов и прочей документации.

В стиле их работы никакой гибкости, широты, душевного размаха. Сверяют копейки, сличают цифры, подписи, даты — смотреть тошно. И что особенно противно, — можно сказать, с калошами лезут тебе в душу и при этом вежливо: «Разрешите счётчик...», «Попрошу объяснить...», «Извольте расписаться». И ничего с ним не сделаешь. Человек при исполнении. Таким уж он в штатном расписании записан. Приходится терпеть.

А зря! Нельзя терпеть! С ревизорами бороться надо. Но, разумеется, осторожно, тонко...

2. БЫЛО ДЕЛО НА УЧАСТКЕ

Был в Ленинграде на участке пассажирской службы Октябрьской железной дороги ревизор Евгений Алексеевич Курацапов. Вот и повадился он ходить на Московский вокзал. Заглянул как-то в камеру хранения ручного багажа и обнаружил недостачу пятидесяти с лишним мест пассажирского багажа. Письменные следы есть, а самых вещичек нет.

Кладовщики, конечно, клянутся: знать не знают, ведать не ведают. А он и слушать не хочет. Написал акт и доложил по начальству. Ещё немного, и быть бы приказу со всеми вытекающими неприятностями. Но своевременно были приняты надлежащие меры, отписались, замаяли и похоронили ревизорский акт со всеми канцелярскими почестями.

А ревизор стал приглядываться к билетным кассам. На разные хитрости пустился и раскрыл такую картину: когда пассажир, не веря своему счастью, дорывается наконец до заветного окошечка, платит он за билет столько, сколько кассир прикажет. Не до того ему, чтобы цену сверять, — в голове туман, сзади торопят, — ну и бросает дрожащими руками деньги. А кассирша тоже волнуется и второпях несколько рубликов на билет накидывает.

Подсчитал ревизор, что таким образом билетные кассирши имеют ежедневно 800—900 рублей нетрудового дохода. И всё это он так ловко доказал, что деваться некуда: и как обсчитывают, и с кем делаются, и всю прочую механику. А в конце сослался на приказ министерства и потребовал отдать виновных под суд.

Тут уж шум пошёл по всей дороге. Появился приказ начальника пассажирской службы тов. Каминского. Кассирши, пойманные с поличным, от билетов отстранены и переведены на другие должности. Досталось и вокзальному начальнику: обязали, указали и предупредили.

После этого стало всем ясно, что с таким ревизором до хорошего не доработаешься. Правда, шум вскоре улегся, кассирши удалось постепенно вернуть на прежние места, но беспокойство осталось. Где же гарантии, что ревизор не выкинет завтра номер ещё почище? Не было таких гарантий. Их надо было создать.

Вот и встала задачка. Как её решить? Ликвидировать должность нельзя: по штату положена. Снять с работы не за что: человек двадцать пять лет на транспорте работает, зысканий не имеет, одни премии и награды. Ломали голову, ломали и надумали. Решили уговорить вышестоящее начальство, что для пользы службы необходимо произвести некоторую перестановку кадров. А кто не любит перестанавливать кадры? Первейший признак активного руководства.

Уговорили. Последовал приказ, подписанный и. о. начальника дороги тов. Соколовым:

«Назначить инженер-майора административной службы Курацапова Евгения Алексеевича ревизором доходов 17-го участка финансового отдела дороги, освободив от должности участкового ревизора Ленинград-Московского участка пассажирской службы».

Читатель, ознакомившись с этим документом, вероятно, разочаруется.

— Какой же это выход? — воскликнет он. — Сами освободились, а другим подбросили. К тому же на его место другой придёт, и всё начнётся сначала.

Не торопитесь, дорогой читатель. Дело в том, что приказ этот, с виду простой и безобид-

ный, в действительности с большой выдумкой сделан.

Явился Евгений Алексеевич на новое место и не без удивления узнаёт, что отныне получать он будет за свои труды почти наполовину меньше, чем прежде. Было над чем задуматься. Понял наконец, что его ревизии боком вышли ревизирующему.

Попробовал он высказывать своё недовольство. Написал начальнику дороги: не понимаю, дескать, за что обидели: и работал честно, и на хорошем счету был, и всё такое. Ответил ему сам тов. Мачихин, начальник сектора руководящих кадров. Заявление, мол, ваше получили, «внимательно и объективно рассмотрели, а в восстановлении вас обратно участковым ревизором пассажирской службы отказано». И при этом не зря насчёт «внимательности и объективности» подпущено: нечего, мол, жаловаться, начальству виднее.

Ловко всё получилось. И должность сохранили, и человека не уволили, и всех ревизоров предупредили.

Так решили трудную задачу укрощения строптивого ревизора.

М. ЛАНСКОЙ

г. Ленинград.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

СВЕРХЗАГРУЖЕННЫЙ ШКОЛЬНИК

— Папочка, сделай одолжение: сбегай за меня погулять!

Уважаемый Крокодил!

Геолого-разведывательный трест в Старом Осколе развил кипучую деятельность. Работники треста случайно развели, что студенты Учительского института занимают под общежитие приличное помеще-ние. Это оказалось достаточным для того, чтобы проникнуть в недра общежития и после непро-должительных изыскательных ра-бот выдворить оттуда всех студен-

тов и занять освободившееся таким образом помещение под свою кон-тору.

Вряд ли после этого кто-нибудь скажет, что Геолого-разведыватель-ный трест приобщился к культуре, несмотря даже на то, что он нахо-дится в студенческом общежитии.

Студенты Учительского ин-ститута: ГОРБУНОВ, ТОЛ-МАЧЕВ, МУХИН и др. Всего десять подписей.

г. Старый Оскол, Курской обл.

Товарищ Крокодил!

Хочется рассказать тебе о ряде интереснейших сельскохозяйствен-ных опытов, проведенных заведую-щим учебным хозяйством при пол-тавской школе руководящих кад-ров колхозов тов. Ковтуном.

Первый опыт из области зоо-техники. Ковтун закупил на госу-дарственные деньги для себя и директора школы Касименко коров и пустил их пастись на поле учеб-ного хозяйства. Благодаря усилен-ному рациону коровы начали да-вать богатый удой, принося их владельцам значительные доходы.

Такой же опыт проводится с телятами, свиньями и курами, ко-торые чувствуют себя превосходно на учебном поле и также сулят большие прибыли.

Ряд экспериментов осуществлён по линии механизации сельского хозяйства. Тракторы и комбайны, принадлежащие школе, по указа-нию Ковтуна, с успехом работали на стороне и тем самым помогли пополнить его личные средства.

Надо полагать, что оригиналь-ные труды Ковтуна вызовут жи-вейший интерес и найдут, несом-ненно, соответствующий отклик.

В. БЕЛОУСОВА

г. Полтава.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Заявляю во всеулышание: у ме-ня больше нет мотоцикла. Я его продал три года назад.

О чём тогда же официально изве-стил государственную автоинспек-цию Тимирязевского района, а так-же наш райфинотдел. Но там, вид-но, не посчитались с моим заяв-лением и до сих пор периодически приглашают меня для техническо-го осмотра машины и для уплаты специальных сборов.

Если и это моё заявление пока-жется автоинспекции и финотделу недостаточным, тогда я уж не знаю, что делать дальше.

А. БЕЛОКУРОВ

Москва.

Товарищ Крокодил! Большая работа по озеленению улиц и площадей проделана в на-шем городе. Возьмём, к примеру, район, где расположен областной драматический театр. Он сплошь озеленён, несмотря на то, что ни одно деревце не высажено вдоль тротуаров.

— Откуда же там зелень? — спросишь ты.

Обратись с этим вопросом к владельцам коров, и они (владель-цы, а не коровы) легко всё объ-

яснят. Оказывается, предприимчи-вые люди, заготавливая на зиму для своих коров сено, разбросали его по всему городу. И даже в центре красуются большие стога. Нельзя сказать, чтобы заведую-щего горкомхозом тов. Болоздыню такая картина не беспокоила. Нет, он очень волнуется за судьбу сена. Потому что у драматического теат-ра живописно расположены стога, принадлежащие именно ему.

П. ЛУКИН

г. Великие Луки.

Уважаемый Крокодил!

Насколько мне известно, началь-ник утильцеха завода «Электроси-ла» имени Кирова никогда не за-нимался таким видом спорта, как поднятие тяжестей. Тем не менее ему недавно удалось достигнуть значительных успехов: он с боль-шой лёгкостью сдал в металличе-ский лом стальной вал весом в 18 тонн, вполне пригодный для из-готовления стопорных колец к ге-нераторам.

Причём, несмотря на отсутствие тренировки, тов. Иванову ничего не стоило это сделать. А вот сколь-ко стоила эта операция государ-ству, очень легко подсчитать, если известно, что вал стоит больше 100 тысяч рублей, а за него полу-чено, как за лом, всего лишь по 40 рублей за тонну.

А. ЕРШОВ

Ленинград.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● В № 26 Крокодила был напеча-тан фельетон Г. Рыклина «Дайте справку».

В фельетоне рассказывалось о том, что население Черновицкой области получает с Керамического завода недоброкачественную черепицу.

Обсудив фельетон, бюро Черновиц-кого обкома КП(б)У признало, что все факты, указанные в фельетоне, правильны. Бюро обкома наметило ряд мер по улучшению работы кир-пично-черепичных заводов области.

Руководители областного управле-ния промышленности строительных материалов и директора предпри-ятий предупреждены, что в случае выпуска недоброкачественной про-дукции они будут привлечены к партийной ответственности и преда-ны суду.

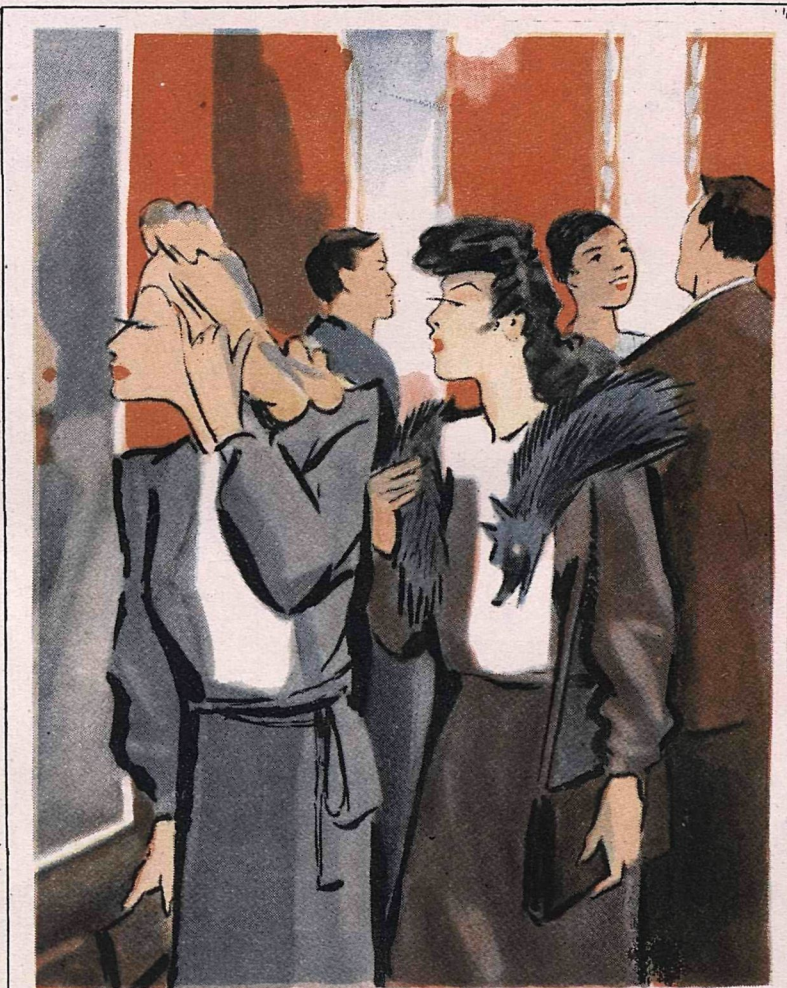

Рис. А. БАЖЕНОВА

НА СПЕКТАКЛЕ «ГРОЗА»

— Ну, что: нравится тебе эта пьеса?
— Ничего, но сюжет старый: это уже было в кино.

ГОТОВИТСЯ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА:

«ВПЕРВЫЕ В КРОКОДИЛЕ».

В НОМЕРЕ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ МАТЕРИАЛЫ АВТОРОВ, НЕ ПЕЧАТАВШИХСЯ РАНЕЕ В КРОКОДИЛЕ.

Просим писателей, поэтов, журналистов, художников и всех читателей присылать в Крокодил рассказы, фельетоны, стихи, эпиграммы, басни, карикатуры, темы для карикатур, фотографии для фотовитрины Кроко-дила, документы.

МАТЕРИАЛ МОЖНО ПРИСЫЛАТЬ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ТЕМЫ.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц Москва. Изд. № 869. Подписано к печати 13/ХІ 1948 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78.000.

А — 11302.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2574. Тираж 150 000 экз.

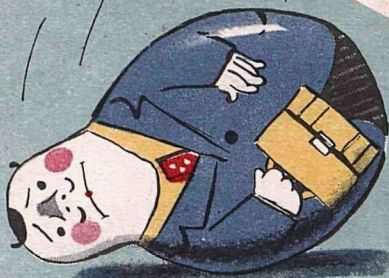
ПРОМКООПЕРАТИВНЫЙ

ДИРЕКТОР АРТЕЛИ МЕТАЛЛОЛОМА

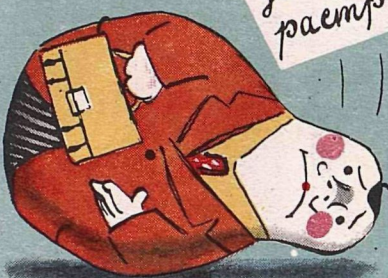
уволить за
безответственность!

ДИРЕКТОР АРТЕЛИ ШВЕЙРЕМОНТ

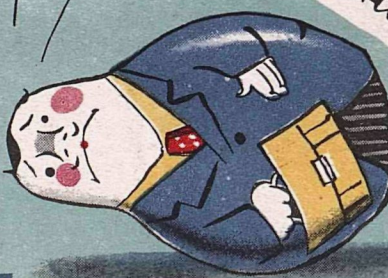
уволить за
растрату!

ДИРЕКТОР АРТЕЛИ "БЕЗДЕЛУШКА"

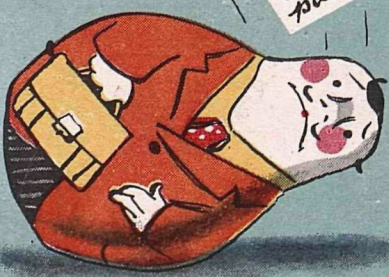
уволить за
хищения!

ДИРЕКТОР АРТЕЛИ "КОСЫНКА"

уволить
за развал
работы!

ДИРЕКТОР АРТЕЛИ МЕТАЛЛОЛОМА

(См. сначала)